

сегодня

страница

Кульгур.

18 декабря 1993 г.

12

Оказывается, Гассану Абдуррахману ибн Хоттабу всего 55 лет, а вовсе не 3787 лет и пять месяцев, как вы думаете.

По неведомому таинству у меня дома с незапамятных времен живут по два тома — и «Трех мушкетеров», и «Старика Хоттабыча». Это мои самые любимые книги. Я их читаю всегда и просто так. Видимо, чтобы хоть изредка подогреть в себе симпатии к человечеству. А может, дело в том, что ни мушкетером (в переносном смысле), ни волшебником (в любом смысле) я так и не стал. Вот и грущу над самим собой.

Эти две книги добры и чисты, мудры и наивны. Если к ним еще прибавить «Дон Кихота» и, не могу объяснить почему, «Бравого солдата Швейка», то получится собирательный образ человека, за которого не стыдно, и каким ему, человеку, надо бы быть. Вам может показаться, что больно уж в знатный ряд занесся у меня милый Хоттабыч. Да нет, в самый раз. К тому же по возрасту он среди них даже самый взрослый.

Но с возрастом-то как раз получается некоторая накладка. Дело в том, что почтеннейшему Гассану Абдуррахману ибн Хоттабу при ближайшем рассмотрении не 3787 лет и 5 месяцев, как все мы думаем, а вовсе всего лишь 55 лет. Потому что 55 лет назад его просто еще и не было. Он почти вдвое моложе своего создателя Лазаря Иосифовича Лагина, которому на днях исполнилось бы 90 лет. То есть автор в два раза старше своего невероятно древнего персонажа. У людей такие случаи не наблюдаются, наблюдаются они только у писателей.

Эти заметки мне писать очень интересно — ведь я совсем ничего не знал о своем любимом писателе, даже ничего о нем не слышал. Сейчас попытаюсь вспомнить, каким я его себе в детстве представлял. Если память не подводит, Лагин я иначе, как самим Хоттабычем, не представлял. Нет, пожалуй, вот и еще всплывает некий образ (уже в юношеском представлении): человек с веселыми глазами, с крепкой загорелой шеей в открытом вороте белой рубашки. Удивительно, до чего же этот образ оказался близок к тому, что я сейчас вижу на фотографиях Лагина именно поры создания «Старика Хоттабыча». Рассматриваю я эти фотографии в наполненной старыми книгами квартире, где Лагин жил. И где сейчас живет его дочь, известная журналистка Наталия Лагина.

Я думаю, что резонно будет перейти от воспоминаний обо мне и моей любви к Хоттабычу к воспоминаниям о самом Лазаре Иосифовиче Лагине. И здесь нам поможет его дочь Наталия Лазаревна. Писательский дом возле метро «Аэропорт» их так и называл — «Лагин с дочкой». Они не только обожали друг друга, они еще и очень дружили.

— Наташа, а что любил отец?

— Сладкое, сказки и бездельничать. Такого лентяя, как мой папа, свет не видывал.

— Мы иногда лентяями называем созерцательных людей. Нам кажется, что они ничего не делают, а у них идет напряженная внутренняя работа.

— Папа всех уверял, что он прежде всего читатель, а по-

том уже писатель. Видите, как у нас дом забит книгами. Но папа никогда не собирал специально библиотеку, он покупал только те книги, которые читал.

— У него были какие-то предпочтения?

— У нас прекрасное собрание сборников сказок.

— И сам стал основателем жанра «повесть-сказка».

— Все говорят в основном о «Старике Хоттабыче», а ведь отец написал много книг совсем в иных, в основном сати-

рических жанрах. У него в молодости были и книги стихов.

— Позвольте процитировать его самого: «Говоря откровенно, у меня имеется немалая заслуга перед отечественной литературой: я вовремя и навеки перестал писать стихи. Я мог бы, конечно, усугубить свои заслуги, бросив писать и прозу. Но скромность не позволяет мне столь цинично гоняться за заслугами».

— Обычно самоирония бывает защитным средством умных, но вполне амбициозных персон. Папа был из тех счастливых людей, которые относятся к себе с некоторой насмешливостью.

— То есть никакой гордыни!

— Нет, гордыня была. Он считал, что, как никто, готовит щи. Почему-то из, конечно, капусты, но при этом и из яблок. Очень этим гордился и перед другими задавался.

— Он легко писал!

— Мама рассказывала, что «Старика Хоттабыча» писал тяжело. По ночам писал, он ведь был очень занятой.

— Как странно, а кажется, что просто сел и написал, не правя, не редактируя. Словно он эту книгу всегда знал и достаточно было просто присесть к столу и просто ее записать.

Кстати, вы сказали, что он был сильно занят. А чем!

— Ну занят он был всю жизнь. Кем он только не был! И заведующим складом художественных ценностей, и доцентом в институте, и капитаном второго ранга. А когда писал «Хоттабыча» — заместителем главного редактора «Крокодила» Михаила Кольцова.

— Да как же он уцелел!

— Когда Кольцова арестовали, папа догадался уехать в какую-то дальнюю и долгую командировку. Мама рассказывала, что за ним несколько раз приходили с ордером на арест. Обязательно по ночам. А потом, что ли, забыли о нем.

— Давайте посмотрим на вашего отца с точки зрения «скажи мне, кто твой друг...».

— «Самым умным» другом был Лев Ландау. Самым любимым писателем — Юрий Олеся. Самым любимым человеком — Михаил Светлов.

А «всем вместе» — и другом, и любимым писателем, и как бы сыном — Аркадий Стругацкий. Аркадий был, пожалуй, единственным человеком, с которым папа говорил о своей молодости, о своей жизни.

И выпустили джинна из бутылки

Они очень любили друг друга, Аркадий был его как бы «ребенком, который перерос папу».

— Мне кажется, не в обиду Аркадию, «Старика Хоттабыча» никто «не перерос».

Вам нравится быть «дочерью того самого Лагина»?

— Я обожала отца, но представьте себе, что коллеги вас все время чуть ли не упрекают в том, что вы дочь Лагина. Пошли и разговоры, что он за меня статьи пишет. Я даже поменяла «жанр» — стала писать статьи не о литературе, а о музыке. Уж эти-то папа никак не мог за меня писать.

Но, Боже мой, какое же это счастье, когда у тебя такой отец, как мой! Возможно, я вам покажусь хвастунией, но только такой человек мог создать Хоттабыча, они очень родные люди.

— Много ли было изданий знаменитой книги!

— Этого, пожалуй, никто сказать не может. Знаю только, что она была издана более чем на 60 языках мира.

Расскажу вам довольно забавный случай. Буквально вчера ночью я прилетела из Израиля. И представьте в Иерусалиме мне показывают площадь имени Омара Юсуфа ибн Хоттаба. Помните брата Хоттабыча? И спросили, знаю ли я книгу «Старик Хоттабыч»? Это мол, как бы однофамилец персонажа той книги. Я объяснила, откуда я знаю эту книгу. И тогда меня стали демонстрировать как достопримечательность этой площади.

Вообще-то странно знать, что твоего милого доброго, домашнего папу знают во всем мире.

...Ну вот теперь вы кое-что

узнали о замечательном авторе замечательной книги.

А помните, как она начинается? «В семь часов тридцать две минуты утра веселый солнечный зайчик проскользнул сквозь дырку в шторе и встал на носу ученика шестого класса Вольки Костылькова. Волька чихнул и проснулся».

Мне кажется, что если бы Михаил Афанасьевич Булгаков написал роман для детей, он именно так бы его и начал. Булгаковская стилистика-то: «...ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крѣтѣхъ холоннаду между двумя «оыльями» двора Ирода Великого вышел прокуратор Иудей Понтий Тилат». Между прочим чапезаны эти обе книги буквально одновременно. Очень чуждые людям книги. Только одна из них «просто для детей».

Эдуард ГРАФОВ.